

**INSTITUTE OF
INTEGRATIVE
MEDICINE**

*Чудаков А.Ю.
Гайворонская В.В.*

**УПРАВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКИМ
ОБРАЗОВАНИЕМ:
ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ТЕКУЩЕГО
МОМЕНТА**

ББК 56.14

Ч10

Чудаков А.Ю., Гайворонская В.В. Управление медицинским образованием: проблемы и задачи текущего момента / Серия книг: Теория и методика профессионального обучения и воспитания взрослых. - СПб, Институт интегративной медицины АСТ, 2019. – 40 с.

Чудаков Александр Юрьевич, доктор медицинских наук, профессор

*Гайворонская Виктория Витальевна, кандидат медицинских наук
доцент-исследователь Института интегративной медицины
Академии социальных технологий*

Рецензенты:

Парцерняк С.А., доктор медицинских наук, профессор

Гальцев Ю.В., кандидат медицинских наук, профессор

Практика управления развитием системы медицинского образования показывает, что реализация такого управления осуществляется в нескольких направлениях, и в том числе – в направлении изменения концептуальных основ развития всей системы образования.

В данной работе показаны основные проблемы и задачи текущего момента развития медицинского образования.

Работа предназначена для руководителей системы медицинского образования.

ISBN 5-7199-0258-9

Институт интегративной медицины Академии социальных технологий

Подписано в печать 20.06.2019. Формат 60x90/8. Объем 3 п.л.

Печать офсетная. Бумага 80 г. Тираж 999 экз.,

Благотворительный выпуск

Подготовлено в Институте интегративной медицины АСТ

<http://im.ast.social>

УПРАВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ: ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА

1. ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ

Практика управления развитием системы медицинского образования показывает, что реализация такого управления осуществляется в нескольких направлениях, и в том числе – в направлении изменения концептуальных основ развития всей системы образования¹. Любая же концептуалистика начинается с дефиниций.

Согласно междисциплинарному словарю терминологии, описывающей проблематику медицинского образования, предмет темы формулируется так: *«Медицинское образование – составная часть системы образования, её относительно обособленное подразделение, основной задачей которого является формирование знаний, умений и навыков диагностики, лечения, профилактики заболеваний. В этом смысле медицинское образование является социальным институтом, преемственно продолжающим процесс превращения имеющегося в обществе социально-культурного опыта в достояние всех его членов и через это обеспечивающим пожизненное обогащение потенциала врача»².*

Данное определение нуждается в коррективах по следующим причинам.

Во-первых. В широком смысле образование – это поддержание в обществе культурной традиции с учётом её постоянного обогащения инновациями. Функция поддержания традиции, обогащаемой новым опытом диагностики, лечения и профилактики заболеваний, лежит на взрослых, потому что именно они, в отличие от детей, способны не только воспринимать уже существующее знание, но и дополнять его новым. Главное же: функция поддержания традиции, в силу её

постоянного обогащения инновациями, требует принятия мер по её постоянному совершенствованию. Такие меры и находят своё воплощение в системе медицинского образования и просвещения взрослых. Но это значит, что система медицинского образования вызвана к жизни необходимостью поддержания культурной традиции общества в состоянии, адекватном вызовам времени. И уже только поэтому система медицинского образования – не “составная часть” некой более общей системы образования, а сама “предельно общая система”: главнейшая несущая конструкция всей системы образования, её фундамент. Можно даже говорить о фундаменте не системы образования, а самой культурной традиции общества.

Во-вторых. Сказать, что основной задачей медицинского образования является “содействие всестороннему развитию человека в период его самостоятельной жизни” и “обеспечение пожизненного обогащения лечебного потенциала врача и лечебно-профилактического потенциала каждого взрослого” – означает сказать “а” и на этом остановиться. Ведь, как известно, советская система медицинского образования обеспечивала намного бóльшую разносторонность личности врача, нежели специализированная западная³; однако же и наиболее уязвимыми в ходе событий трех последних десятилетий в нашей стране оказались именно “разносторонние личности с богатым творческим потенциалом”⁴. Но поэтому и сами установки на “разностороннюю личность” и “богатый творческий потенциал”, не вызывающие сомнения как таковые, требуют, тем не менее, обстоятельного анализа всего связанного с ними социального контекста и всех задействованных здесь причинно-следственных связей.

Обозначенных двух моментов достаточно, чтобы существующее определение понятия “медицинского образование” считать не вполне пригодным для описания происходящих в нашем обществе процессов. Но каким тогда должно быть новое определение?

Ответ, отчасти уже данный выше (под номинацией “во-первых”), в окончательной своей редакции может быть сформулирован примерно так: медицинское образование – это главное условие выживания любой культурно-исторической традиции, претендующей на общемировую, общечеловеческую, общецивилизационную значимость. Причём это условие *такого* выживания традиции, в котором сама вероятность выживания напрямую зависит от *качества* вносимых в образование инноваций.

Но тогда встаёт ещё один вопрос: что это такое – качество вносимых в образование инноваций? Ведь “инновацией” можно назвать всё, что угодно: и то, что помогает развитию общества, и то, что его разрушает. Во втором случае под прикрытием инноваций могут быть задействованы элементарные приёмы оргвойны: заведомо разрушительные “реформы”, сомнительные с точки зрения своего целевого назначения законопроекты, дезориентирующая деятельность средств массовой информации, лживая статистика, манипулятивные технологии и прочие элементы политико-идеологическо-экономической конкуренции. А в системе образования “инновационными бомбами замедленного действия” могут служить нацеленные на размывание культурных матриц учебные программы, дезинформирующие учебники и отвращающие от предметов обучения методики их преподавания. Поэтому вопрос о качестве вносимых в образование инноваций – это, в сущности, вопрос об умении отличать инновации от их имитаций.

С чего начинать решение этого важнейшего, но и сложнейшего вопроса?

Видимо, правильнее всего исходить из того, что существовавшее у нас ещё недавно естественно-научное и инженерно-техническое образование, при всех его частных недостатках, вполне отвечало мировым стандартам; никто никогда не ставил под сомнение способность наших специалистов *данного профиля* отличать инновации от их имитаций⁵. А вот то,

что за последние два десятилетия “реформ” естественно-научный и инженерно-технический потенциал страны оказался заметно подорван, как и то, что произошло это под очевидным воздействием на общество манипулятивных технологий, явно свидетельствует о неблагополучии в сфере наших представлений *об управлении*. А поскольку наука управления – это такой синтез теории и практики, который концентрирует в себе всю полноту наших знаний о себе, обществе и мире, то и речь должна в конечном счёте идти о *неблагополучии в сфере методологии общественно-гуманитарного знания и его преподавания*.

2. ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ

Вот уже почти столетие методологическим средством осмысления общественных явлений в их историческом развитии отечественной науке служит учение исторического материализма. Но «почему, имея целую рать профессоров истмата, “мы не знаем общества, в котором живем”? Ведь это не шутка – услышать такое признание от генерального секретаря ЦК КПСС, да еще многолетнего председателя КГБ. Ясно, что истмат почему-то оказался как метод негоден для познания нашего общества»⁶.

На острие политического диалога уместность предельно резкой постановки фундаментальных теоретических вопросов сомнений не вызывает. Как не вызывает сомнений и то, что в академической среде в отношении таких же вопросов уместны осторожность и взвешенность. Но тем более тогда заслуживает внимания, что и в академической среде наблюдается сегодня *неявный* отход от прежней истматовской методологии. Это видно из сравнения статей, освещающих тему “историзма” в до-перестроечных и новейших философских словарях. Если в первых даются концептуально-нагруженные дефиниции, то во вторых понятие “историзма” низводится до уровня почти что гераклитовских представлений об изменяемости всего сущего во времени (Новая философская энциклопедия в 4-х томах, изд. ин-та философии РАН, рук. проекта В.С.Степин, В.Г.Семигин, М. 2001, т. 2, с. 175).

Самое же интересное: появились философские словари, где статьи “Историзм” нет вообще (Философский словарь, под ред. П.С.Гуревича, М., 1997; Новейший философский словарь, под ред. А.А.Грицанова, Минск, 2002; Философский словарь: справочник студента, под ред. Г.Г.Кириленко, Е.В.Шевцова, М., 2002). Как нет зачастую и статьи “исторический материализм” (Новая философская энциклопедия, т. 2). А там, где она есть, этому понятию даётся уничтожающее определение. «Амбиции теоретиков и апологетов исторического материализма на

придание ему статуса универсальной парадигмы социальной философии и социологии, основанной на позитивистских методологиях, натурализме в трактовке общества и причинно-механической модели мирообъяснения, были опровергнуты достижениями общенаучных и гуманитарных дисциплин XX ст. – новейшими макроэкономическими моделями, общей теорией систем, представлениями о нелинейных процессах, данными наук о массовых коммуникациях. Одновременно крушение социализма в Европе, наиболее общей санкцией которого на теоретическом уровне являлся исторический материализм, наглядно продемонстрировало реальные преимущества современных неортодоксальных социологических, политологических, психоисторических и прочих методик адекватного отображения и перспективной реконструкции хода исторического процесса. Серьезные сомнения европейских интеллектуалов в правомерности концепции неограниченного социального прогресса (сердцевины и “души” исторического материализма) также содействовали закату этой некогда модной идеологической доктрины социально-философского толка» (Новейший философский словарь, Минск, 2002, с. 450).

Имеются, впрочем, и заявки на исчерпанность потенциала исторического материализма (Философский словарь, под ред. И.Т.Фролова, издание седьмое, переработанное и дополненное. М. 2001, с. 225-226). А чтобы понять, почему они не заслуживают доверия, достаточно чуть внимательнее, чем обычно, вдуматься в традиционное определение принципа “историзма”: «Историзм – это подход к объекту с точки зрения закономерного процесса его развития» (Философская энциклопедия в 5 томах, под ред. Ф.В.Константинова, М., 1962, т. II, с. 352); «Историзм – принцип познания вещей и явлений в их становлении и развитии, в органической связи с порождающими их условиями» (Философский словарь, под ред. И.Т.Фролова, изд. второе, М., 2001, с. 223).

С позиций элементарной логики данные формулы принципиально *тавтологичны*: они одновременно служат и требованием рассматривать явление с точки зрения закономерного процесса его развития (в конкретных условиях его становления и развития), и самим инструментом изучения этого процесса (этих конкретных условий). То есть, исторический метод в его традиционных формулировках как бы заранее предполагает знание того, на изучение чего нацелен⁷. Между тем «научное доказательство не должно предполагать как предпосылку то самое, обосновывать что является его задачей»⁸, – в противном случае мы получаем ситуацию, называемую в методологии научного поиска “кругом в доказательствах” (“*circulus visiosus*”)⁹.

Проблема порочного круга в исторической науке – это мировоззренческая проекция чисто формальной проблемы парадоксов теории бесконечных множеств (которые, как известно, тоже сводятся к тавтологичности). Обе они производны от концепции актуальной бесконечности, так как бесконечное возрастание информационного разнообразия, задаваемое параметром развития “от простого к сложному”, сопоставимо с бесконечным возрастанием значений в ряду натуральных чисел. Но в математике тавтологичность умозаключений, построенных на использовании идеи бесконечности, была осмыслена ещё в начале прошлого столетия¹⁰. Да и в западной философии она явно или неявно стимулировала целые направления теоретической мысли, ставящей под сомнение истматовскую методологию (акцентация на рефлексивном “историцизме”, отвержение линейного “прогрессизма” и упрощённого детерминизма, критика “наивного исторического объективизма” и др.). Насколько далеко зашла в своей переоценке категории “историчности бытия” западная обществоведческая мысль, можно судить по философии Хайдеггера, строящейся на «чередности исторически обусловленной трансформации смысла бытия» (Краткая философская энциклопедия, сост. Е.Ф.Губский, Г.В.Кораблёва, В.А.Лутченко. М., 1994, с. 191). Хотя в целом, отдавая должное “неклассическому”

направлению поисков, западная обществоведческая мысль продолжает очень сильно зависеть и от парадигматики, восходящей к Просвещению XVIII века.

В отечественном же обществоведении ситуация гораздо хуже: поскольку здесь в XX веке имело место не столько решение научных задач, сколько выполнение госзаказа на критику “буржуазной идеологии”, то и всю выходящую за истматовские рамки обществоведческую проблематику отечественные методологи вообще “проспали”.

Для полноты картины – несколько слов о предыстории ситуации *circulus visiosus* в исторической науке. Становление историко-материалистической парадигмы мышления происходило в условиях острой полемики с религиозным мировоззрением, в стремлении освободить научную мысль от церковной опеки. Поэтому в науке с самых первых шагов её существования главной мишенью критики стал “креационизм” – идея сотворения мира Богом. Отбросив эту “метафизическую” идею, как и само понятие Бога, наука тем самым ограничила сферу своей компетенции чувственно воспринимаемыми предметами и явлениями, доступными наблюдению, описанию и измерению. И получила в результате “куски” эмпирического знания: физику, химию, биологию и др. Целостный же взгляд на мир хотя и остался без Бога, но не стал от этого более научным. Ведь вместе с понятием Бога из сферы научного кругозора исчезли такие важнейшие стороны научного миропонимания, как идеи порядка, организации, инвариантности, целесообразности, целенаправленности и т.д. Все эти идеи стали считаться “идеалистической поповщиной”, а впоследствии хотя и были частично реабилитированы в рамках Общей теории систем¹¹, но в целом на общее научное мировоззрение не повлияли.

«В результате научные представления о “мире как целом” остались на уровне всё той же религиозной, но уже *неполной (урезанной)* модели мира. И ситуацию не спасла даже теория эволюции, в которой одномоментный креационистский акт

оказался всего лишь заменённым на растянутый во времени процесс: создавая новые виды, Творец, отождествлённый с Природой, делал это теперь уже постепенно и незаметно – *эволюционно*¹². К тому же в основу сформулированного Ч.Дарвином принципа поступательного увеличения видового разнообразия методом расхождения видообразующих признаков лёг чисто механистический принцип развития от “низших” форм к “высшим” – принцип, методологическая несостоятельность которого прекрасно осознавалась и самим Ч.Дарвином. «Знаю, – писал он, – что едва ли возможно определить ясно, что разумеется под более высокой или более низкой организацией»; «Это область очень запутанного вопроса»¹³. Да и наиболее проницательные современники Ч.Дарвина (такие, как, например, Н.Я.Данилевский) сразу поняли, что «дарвинизм не только и не столько биологическое, сколько философское учение, купол на здании механистического материализма»¹⁴.

Тем не менее на этом “куполе” была воздвигнута ещё одна “башня” в форме учения исторического материализма (по признанию самих авторов учения, именно дарвинизм послужил его естественнонаучной основой). То есть учение исторического материализма возникло не как научное обобщение неких неопровержимых эмпирических фактов, а как умозрительное философское построение: как логическое завершение потенций, заложенных в теории эволюции. Но тем самым учение исторического материализма восприняло от своей естественнонаучной основы заведомую неполноту представлений о мире. А, как известно, именно эта неполнота и служит, с точки зрения теорем К.Геделя о неполноте и непротиворечивости формальных систем, первоисточником *circulus visiosus*¹⁵ (под *формальными* системами здесь имеются в виду не только математические, но и вообще любые *логически* построенные системы).

Поскольку отечественные методологи всю эту проблематику, как уже было сказано, “проспали”, то и не удивительно, что

сегодня они вынуждены ограничиваться *стыдливо-молчаливым* переписыванием соответствующих учебников, пособий и словарей. А в роли “крайних” при этом остаются гуманитарии узкоспециального профиля. Воспитанные практикой предыдущей эпохи в слепом доверии к спускаемым сверху методологическим установкам, они если и замечают происходящее, то не воспринимают его как нечто непосредственно к ним относящееся.

Но это значит, что, оказавшись по факту в положении *теоретически разоружённых*, они, как правило, даже не осознают себя таковыми, удовлетворяясь в качестве методологии социально-общественных наук её *имитационными* штампами прежних времён.

3. ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЯ НАУЧНОСТИ

Спрашивается: что же в этой ситуации следует принять за общепризнаваемую методологическую основу гуманитарных исследований?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно предварительно понять, чем конкретно отличается методология современного естествознания, чей научный статус неизмеримо выше статуса современного обществоведения, от методологии последнего.

Попробуем разобраться.

В обществоведении “научной” считается лишь та “чистая эмпирика” (научно описанный факт или явление), которая обнаруживает смысловую совместимость с предельно общим мировоззренческим взглядом на исторический процесс, т.е. которая поддаётся непротиворечивому вписанию в историко-материалистическую парадигму. Если же “чистая эмпирика” такому вписанию не поддаётся, но и научность её невозможно опровергнуть, то она *подгоняется* под указанную парадигму чисто механическими, эклектическими способами, не без помощи спекуляций (пусть и бессознательных) на “диалектических противоречиях”.

Вот пример, очень показательный благодаря максимально широкому охвату рассматриваемого материала. Сложившийся в современной науке о мифах взгляд на них как на «первоначальную форму духовной культуры человечества»¹⁶ – это классический образец “чистой эмпирики”. Но поскольку «методология изучения мифологии... базируется на принципах исторического и диалектического материализма», поскольку «для подхода исследователей... к решению проблем мифологии характерно следование принципам историзма,... подчёркивание... мировоззренческой основы» (там же), то и «причины, по которым вообще должны были возникать мифы, ... следует, по-видимому, искать в общих для того уровня культурно-исторического развития особенностях мышления»¹⁷, т.е. – в самих же мифах! – Налицо

методологический порочный круг в самих способах постановки и решения проблемы.

Другой пример, помельче. Работа великого русского филолога и фольклориста В.Я. Проппа «Морфология волшебной сказки»¹⁸ – это тоже не что иное как классический образец “чистой эмпирики”, оказавшей в своё время огромное влияние даже на специалистов по теории искусственного интеллекта¹⁹. Но по методологическим требованиям времени, да и по собственной внутренней убеждённости В.Я.Пропп считал себя обязанным дать этой работе “историческое объяснение”. Таковым, казалось бы, явился следующий пропповский труд «Исторические корни волшебной сказки»²⁰, основанный на ключевой для современного историзма идее, согласно которой «сюжеты порождены бытом народа, его жизнью и вытекающими из этого формами мышления на ранних стадиях человеческого общественного развития...»²¹. На самом же деле этот второй интереснейший труд В.Я.Проппа показал, что смысловая структура волшебной сказки находит своё соответствие в смысловой стороне ритуально-обрядовых форм раннеисторического быта – *и не более того*. То есть, попытка “исторического объяснения” здесь изначально заблокирована тавтологической природой исторического метода, “заранее знающего”, что было вначале (“народный быт”), а что потом (“формы мышления” и сюжеты волшебной сказки как их частное проявление). Налицо опять-таки методологический порочный круг в самих способах постановки и решения проблемы.

Более частных примеров такого же рода вообще не счесть. И все они показывают, что по факту современное обществоведение, занимающееся проблемами генезиса изучаемых явлений, представляет собой не более чем совокупность умозрительных гипотез на тему происхождения”. А объясняется такое удручающее положение в современном историческом обществоведении тем, что оно ищет не там, где потеряно, а там, где светло: под “фонарём” имеющей объяснительные пределы доктрины.

В естествознании же взаимоотношения между целостным взглядом на мир и “чистой эмпирикой” совершенно иные. Наиболее доходчиво их объяснил В.И.Вернадский, первым обосновавший взгляд на эволюционно-историческую парадигму как на полурелигиозный-полуфилософский фольклор. Исходя из данных истории науки, он пришёл к выводу, что абсолютно все современные научные теории о происхождении Вселенной, Земли, Жизни и Разума имеют своей подлинной предпосылкой не объективную логику независимой научной мысли, а мифо-религиозную идею “Начала Мира”, исторически унаследованную позднейшей философией и наукой. «Это тесно связано с еврейско-христианско-мусульманскими представлениями о мире и божестве и... с ними связанной... европейской (средиземноморской) философией... В европейско-американскую науку это было внесено... Иммануилом Кантом (1724-1804) в введённом им понятии естественного тела или естественного процесса в конце XVIII или начале XIX веков...»²². Иными словами, В.И.Вернадский положил начало той точке зрения на эволюционно-историческое мировоззрение, согласно которой оно вошло в науку «не из наблюдений фактов, а из готовых, чуждых науке, представлений религиозных и философских, что мы можем научно точно доказать, исходя из истории научной мысли»²³.

А вот соображения В.И.Вернадского о “чистой эмпирике”: «Правильным является... стремление, всё более и более преобладающее в научных исканиях... подходить к изучению её (жизни – С.Г.) явлений чисто эмпирически, считаться с невозможностью дать ей “объяснение”, т.е. дать ей место в нашем абстрактном космосе, научно построенном из моделей-гипотез»²⁴. При этом критерием истинности эмпирически-полученных научных данных и их обобщений В.И.Вернадский считал как раз их необычность, их несовместимость с традиционными философскими представлениями: «Эмпирическое обобщение, раз оно точно выведено из фактов, не требует проверки. Оно может существовать и быть положено в

основу научной работы, даже если оно является непонятным и противоречит господствующим теориям и гипотезам»²⁵. «...Эмпирическое обобщение опирается на собранные индуктивным путём факты, не выходя за их пределы и не заботясь о согласии или несогласии полученного вывода с другими существующими представлениями о природе (выделено Вернадским – С.Г.). В этом отношении эмпирические обобщения не отличаются от научно-установленных фактов: их совпадение с нашими научными представлениями о природе нас не интересует, их противоречие с ними составляет *научное открытие*»²⁶.

Общий вывод В.И.Вернадского: «Звучит парадоксом, однако это так: распространение научного мировоззрения может даже иногда мешать научной работе и научному творчеству, так как оно неизбежно закрепляет научные ошибки данного времени, придаёт временным научным положениям бóльшую достоверность, чем они в действительности имеют. Оно всегда проникнуто сторонними науке построениями философии, религии, общественной жизни, художественного творчества. Такое распространение временного и часто ошибочного научного мировоззрения было одной из причин не раз наблюдавшихся в истории науки местных или всемирных периодов упадка»²⁷.

Нельзя сказать, что абсолютно вся современная естественнонаучная деятельность уже целиком подчинена предложенной В.И.Вернадским предпосылочной установке, – это далеко не так. В естествознании тоже наблюдается иногда, хотя и гораздо реже, чем в обществоведении, пережиточная подгонка “чистой эмпирики” под господствующее мировоззрение. Взять хотя бы эволюционную генетику, являющуюся не чем иным как подгонкой “чистой эмпирики” данных генетики под изначально построенную на порочном круге эволюционную теорию, где тавтологичен сам принцип естественного отбора (утверждение “выживают наиболее приспособившиеся” эквивалентно высказыванию “выживают выжившие”). Но очевидно, что общая

тенденция выделения в практике естественников *критерия научности* обозначена В.И.Вернадским с предельной ясностью. Во всяком случае, история науки даёт нам достаточно примеров того, как именно “чистая эмпирика” (т.е. накапливаемые частные результаты практического опыта), вступающая в противоречие с господствующим мировоззрением, заставляет собственной неоспоримой научностью постепенно меняться в сторону научности и само это мировоззрение. Например: наблюдения над ходом небесных светил привели со временем к отказу от геоцентрической (птолемеевской) системы в пользу гелиоцентрической (копернико-ньютоновской); эпоха Великих географических открытий положила начало пересмотру взглядов на форму земли; палеонтологические открытия XVIII-XIX вв. заставили отказаться от идеи постоянства биологических видов в пользу идеи их исторической изменчивости и т.д.

4. ПРОБЛЕМА КРИЗИСА НРАВСТВЕННЫХ УСТОЕВ

Обозначенный критерий научности, как ясно из вышесказанного, пока ещё весьма далёк от того, чтобы “делать погоду” в общественных науках. Но именно поэтому сама ситуация в сфере методологии изучения и преподавания общественных наук и является *кризисной* – не способной поставлять обществу профессионалов, адекватно реагирующих на вызовы и требования текущего момента.

К счастью, любая кризисная ситуация является одновременно и временем небывалых возможностей, которые можно направить на переосмысление накопившихся в обществе проблем и на поиск путей их решения. В философско-обобщающем смысле можно даже сказать, что любая кризисная ситуация – это форма перемены коллективного угла зрения на самые главные вопросы жизни, это способ их восприятия новыми, не “замыленными” прежней ментальной атмосферой мозгами, глазами и ушами.

То, что верно в философско-обобщающем смысле, приложимо и к жизненной практике. А именно: кризисная ситуация позволяет взглянуть по-новому на всю проблему управления образованием взрослых. Становится ясно, что это управление уже не может позволить себе оставаться инерционным. То есть, оно уже не может исходить в своих предпосылочных основаниях из окаменелых методологических штампов, – оно должно начать исходить из “чистой эмпирики” нашей сегодняшней общественной жизни.

Но “чистая эмпирика” нашей сегодняшней общественной жизни – это, прежде всего, поразивший её кризис нравственных устоев. А разве есть связь между кризисом нравственных устоев и чисто интеллектуальным кризисом в сфере методологии преподавания общественных наук?

Да, такая связь, причём самая прямая, реально существует, и *продолжать делать вид, что её нет, уже нельзя.*

Дело в том, что именно потому исторический материализм и возник не как научное обобщение неких неопровержимых эмпирических фактов, а как умозрительное философское построение, что в обществе на него существовал определённого рода “запрос”. И исторический материализм исчерпывающим образом ответил на него, т.е. полностью удовлетворил некоторым тенденциозным умонастроениям и ожиданиям своего времени. «А что это были за умонастроения и ожидания, показал сам оглушительный успех учения исторического материализма, узаконившего именем науки все те формы “прогрессивного” человеческого поведения, которые уже не считали себя связанными оглядкой на совесть, на нравственность, на справедливость и вообще на *идеалы*, – для них достаточно стало опоры на безрелигиозное знание, на формальное право, на революционную целесообразность и вообще на *интересы*.

Конкретно это выразил так называемый *основной вопрос философии* (об отношении сознания к бытию), который *раз и навсегда отказал сфере духа (включающей в себя идеалы совести, справедливости и нравственности) в праве считаться смыслообразующим стержнем жизни*. Он определил её как исторически преходящую, обусловленную экономическими, классовыми и другими формами общественных отношений систему ценностей, т.е. – как необязательное, вторичное, относительное явление.

В этом смысле не будет преувеличением сказать, что «исторический материализм – это учение, впервые в истории человеческой мысли наукоподобно обосновавшее право человека и общества на безнравственность»²⁸.

5. ПРОБЛЕМА ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Казалось бы: преодоление кризиса, в который завела обществоведческую мысль методология исторического материализма, вполне преодолима в рамках собственно науки. Достаточно сделать практические выводы из того эмпирического обобщения, согласно которому материалистическое учение «было живым в конце XVII – середине XIX века и которое в тех проявлениях, в каких оно выражается в современной науке, является историческим пережитком»²⁹. То есть, достаточно понять, что исторический материализм – это не более чем очередная в истории познающей мысли, очаровавшая нас на время, крайность полужнания.

Однако на практике всё не так просто. Смена методологических предпосылок и критический пересмотр всего накопленного историко-материалистической наукой теоретического багажа – т.н. смена мировоззренческой парадигмы – процесс болезненный, обещающий растянуться на целую эпоху. Тому есть причины, главная из которых – обычная научная инерция. Именно она заставляет многих учёных искать замену вызывающе-механистическому объяснению эволюционно-исторического процесса на путях разработки более замысловатых моделей *самоорганизации* (на путях, плодотворных применительно к *уже существующим* системам, и неизменно дающих “сбой” применительно к моделям “происхождения”).

Но одними лишь инерционными факторами проблема не исчерпывается. Приходится, к сожалению, признать, что у идеи смены мировоззренческой парадигмы имеется в современном мире и вполне сознательный враг, для которого существующая материалистическая парадигма является главным инструментом самооправдания, средством камуфляжа и орудием господства. Этот враг – идеология поклонения “золотому тельцу”, идеология “набивания карманов любой ценой”. И этот враг делает всё возможное, чтобы современный научно-образовательный

процесс, особенно в сфере общественных наук, представлял собой не свободное движение эмпирической научной мысли, а поставленное на конвейер производство *манипулятивных технологий, призванных законсервировать материалистическую парадигму.* Иными словами: смена методологических предпосылок затрагивает интересы не одних только учёных. Она затрагивает также интересы и тех, более циничных, дирижёров мировой политики, которые понимают, что историко-материалистическое мировоззрение – это всего лишь ступенька на пути к законченному *экономикоцентризму.*

Дело в том, что без предварительной *компрометации духовности* как “надстроечного”, т.е. второстепенного явления невозможно создание “экономического человека”, которому безразлично всё, что не имеет товарного статуса и меновой стоимости (будь-то Бог, совесть, национальный интерес или государственный суверенитет). Во всяком случае, уже сейчас на роль очередных (вслед за историческим материализмом) ступенек, ведущих завершению *экономикоцентрической* тенденции, могут претендовать такие отточенные инструменты этой идеологии, как *бихевиоризм* с его неприятием высших смысловых ценностей, или *экономическая теория чикагской школы* с её фактическим уравниванием “неприспособленных предприятий” и “неприспособленных народов”. А всю ту фактологию, которая в указанные идеологические конструкции не вписывается, «современной либеральной теории запрещено замечать»³⁰, подобно тому как в советские времена запрещено было сомневаться в истинности историко-материалистического учения.

Почему всё это делается, в общем-то понятно, – если учесть, что господствующее сегодня материалистическое мировоззрение служит моральным оправданием сложившегося в мире бессовестного и безнравственного глобального порядка. Отказываться в этих условиях от материалистической парадигмы – означает ставить всё здание этого порядка под угрозу

нравственной ревизии. Как и наоборот: пока в сознании миллионов сохраняет свою авторитетность материалистическая парадигма – неуязвим и глобальный порядок, воплощённый в основанных на ней предпосылочных установках, принципах и методиках обучения, в программах и технологиях управления массовым сознанием, в огромном количестве зомбирующих формул и языковых штампов, в поведенческих образцах и шаблонах.

Понятно и то, что выступать в таких условиях против материалистической парадигмы означает фактически – брать на себя ответственность колоссального масштаба и колоссальной тяжести. Это особенно очевидно в связи с российскими условиями, где понятия “научный” и “материалистический” стали синонимами, – потому что на протяжении многих десятилетий советской истории сама возможность получения научной степени была напрямую связана с “принесением клятвы в верности материализму”. (А именно как “клятву” и нужно расценивать необходимость сдачи входившего в “кандидатский минимум” экзамена по теории научного материализма). Между тем такая “клятва”, даже и произносимая формально, являлась фактически обещанием не думать самостоятельно о самых главных – предпосылочных основаниях собственной научной работы. А само наличие подобных “обещаний” просто не могло не влиять на нравственную атмосферу общества.

Да и вообще отказ от привычных стереотипов мышления не может не быть безболезненным, – поскольку затрагивает интересы огромного сообщества учёных с их лично-профессиональными амбициями, корпоративными установками, мировоззренческими убеждениями и политико-идеологическими ориентациями.

Но если качество образования взрослых – это главное условие выживания нашего общества, то разве у нас есть выбор? Разве можно выбирать между возможностью выжить и отказом от такой возможности?

6. ЗАДАЧИ УПРАВЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Назревающее осознание зависимости уровня общественной нравственности от качества внедряемых в общество ментальных установок и убеждений ставит нас в ситуацию, когда само коллективное мышление, его структура и его история, сама познавательная деятельность, наконец, должны явиться предметами нашего самого пристального научного внимания. Тем более, что весь этот комплекс проблем всегда рассматривался крупнейшими мыслителями, от Б.Паскаля до В.И.Вернадского³¹, в качестве первоосновы и первоисточника нравственности.

Идеальной “стартовой площадкой” для смены методологических установок в преподавании общественно-гуманитарного знания и могла бы послужить система медицинского образования. В связи с чем нужно указать как минимум на три стоящие перед ней задачи.

- Задача первая. Необходимо добиваться, чтобы отказ от исторического материализма как единственно-возможного и единственно-научного инструмента исследований, интерпретаций и прогнозов в сфере общественно-гуманитарного знания нашёл своё выражение уже не в стыдливо-молчаливом переписывании учебников, пособий и словарей, а во внятно заявленной позиции, с исчерпывающим разъяснением причин, мотивов и целей отказа.

Под причинами, мотивами и целями здесь имеется в виду прежде всего нравственная составляющая образовательно-воспитательного процесса, которая обретает *онтологический статус* только в условиях сознательного отказа от истматовского мировоззрения в пользу системного видения мира. Ведь новый для научного мышления образ мира влечёт за собой

необходимость пересмотра и другого главного вопроса человеческого бытия – вопроса о месте человека в мире. Вопрос звучит так: каково это место? Таково ли, что человек в мире – исчезающе малая подробность, которой допустимо пренебречь? Или же, напротив, мир целиком и полностью структурирован “человеческим фактором” – мыслями, словами и поступками каждого отдельного человека?

Сегодняшняя система знаний, поделившая свои объяснительные функции между “заповедником для духа” (верой без знания) и “капканом для духа” (знанием без веры), даёт на все такие вопросы хотя и противоположные, но равно неудовлетворительные своей неполнотой ответы. То есть она предлагает вопрошающим псевдовыбор³². Но слишком уж очевидно, что характер современного информационного общества принципиально несовместим с выбором между “капканом” и “заповедником”, что он настоятельно требует новой парадигмы знания. А как предсказывал Л.фон Берталанфи, если мир – не то, чем он представлялся классической науке, «то и образ человека должен отличаться от его образа в мире физических частиц, в котором случайные события выступают в качестве последней и единственной “истины”»³³.

- Задача вторая. Необходимо скорейшим образом преодолеть отставание от тех достижений западноевропейской теоретической мысли в области изучения ментальных процессов, незнание которых, существенно затрудняя овладение системным стилем мышления, делает общество уязвимым перед манипулятивными технологиями.

Здесь имеется в виду следующее. В западноевропейской научной мысли существенный прогресс в деле перевода общественно-гуманитарного знания на операционный язык

наметился ещё в конце XIX века – вместе с осознанием тогдашними учёными «символического характера своих фундаментальных средств»³⁴. Именно с этого момента «у наивной теории отражения выбивается почва из-под ног»³⁵, а подмеченное ещё Платоном несоответствие “сущности” и “её знакового выражения” ложится в основу явления, названного Э.Кассирером “символической функцией языкового сознания”³⁶. (Суть явления – в том, что способность одних и тех же языковых значений служить выразителями различных смыслов обусловлена символической, или знаковой природой этих значений). Отсюда берёт начало, с одной стороны, понимание языка как живущей по своим внутренним законам смысловой структуры, а человеческого сознания – как явления, обусловленного этой структурой. С другой стороны, отсюда берёт начало отказ от субъект-объектной методологии, где сознание, мышление, дух принято было противопоставлять природе, или материи³⁷. Оказалось, что акту традиционного научного сознания, в котором субъект противопоставлен объекту, предшествует изначальная вовлечённость субъекта в объект (мыслящего в то, что им мыслится) – в поле “традиции”, “пред-рассуждения”, “предварительного понимания”³⁸. Соответственно, обнаружилась настоятельная необходимость в предварительном акте научного сознания, обращённом уже не только на внешний предмет исследования, но также и на собственные предпосылки, и на задающее их “поле смыслов культуры”, – что и стало называться “герменевтической методологией” и даже “герменевтической онтологией”³⁹.

К сожалению, советское обществоведение данным направлением методологической мысли осталось почти не затронуто. Так случилось по двум причинам. Во-первых, на советскую методологическую мысль решающее влияние оказала написанная ещё в 1908 году работа В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», где он с полемическим азартом сокрушил “агностикиков” (за агностицизм в указанной работе были приняты

первые успехи в осознании символической функции языкового сознания)⁴⁰. А во-вторых, сама незавершённость герменевтической методологии, её открытость интеллектуальным вызовам (вспомним хотя бы громкую полемику Гадамера с Хабермасом) слишком долго служила поводом для спекуляций на тему «глубокого социального и духовного кризиса, в котором находится буржуазное общество»⁴¹. Как следствие, отечественная методология обречена была в XX веке следовать примитивно понимаемой субъект-объектной дихотомии, где сознание, противопоставленное материальной действительности, безнадежно погрязло в наивной претензии на *объективное* восприятие этой действительности. При этом оно оказалось практически беззащитно перед воздействием на него манипулятивных технологий, разработанных в рамках и средствами более совершенного знания о структуре ментальных процессов.

- Задача третья. Необходимо начать разработку теоретического инструментария, способного переводить язык “семантических исследований” на язык “общей теории смысла”.

Речь идёт о следующем. В современной системе знания за *смысл* изучаемых явлений отвечает семантика – наука о смысловой стороне знаков. В рамках материалистической парадигмы семантика – это часть более общей науки о знаках – семиотики, что превращает вопросы о *смысле* вещей в нечто *вторичное, надстроечное* по отношению к самим вещам (включая сюда *материю знаков*). Не удивительно, что и вопрос о *смысле жизни* решается в рамках материалистической парадигмы сугубо пессимистически.

Но очевидно и то, что материалистическое понимание вещей и явлений, основанное на *circulus visiosus* и сводящее вопрос о

смысле жизни к разного рода частным “семантикам”, а реальное человеческое поведение – к законам волчьей стаи, начинает слишком дорого нам обходиться. И в то же время “чистая эмпирика” научного поиска вселяет надежду на обретение утраченного смысла жизни. Ведь «изучая физику, мы хотим постигнуть не физику как таковую, а смысл физических явлений, изучая биологию – смысл биологических явлений, изучая историю – смысл исторических явлений, и т.д. В конечном счёте, на стыке разных областей знания мы хотим постигнуть смысл самого устройства мира, – чтобы понять способ включения в это устройство Человека и научиться тем самым вести себя адекватно этому устройству»⁴².

Исходя из такой перспективной программы, мы просто обязаны широко обсуждать любые нестандартные идеи, участвовать в формировании новых познавательных путей и ставить самые острые вопросы – вплоть до разработки детальных принципов новой мировоззренческой парадигмы. Ведь если мир, действительно, не то, чем он представлялся классической науке, то и нынешнее временное торжество социал-дарвинистской бессмыслицы, пытающейся выдать себя за “вершину социального прогресса”, окажется всего лишь досадной, исторически преходящей издержкой нашего нынешнего научного полужнания.

7. ОЦЕНОЧНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В начале XXI века российские ученые Чигирёв В.А. и Юнацкевич П.И. предложил мировой общественности универсальный гуманный метод регулирования социальных отношений во всех сферах жизнедеятельности человека – дискурсивно-оценочный метод.

Дискурсивно-оценочный метод основан на создании специальной сетевой конструкции, позволяющей осуществлять направленный дискурс и массовую этическую оценку в режиме реального времени, оперативно визуализировать (помечать) вред (угрозу), исходящую от социального субъекта. Такая пометка позволяет мобильной толпе сетевых активистов (социально активных граждан) оказать точное гуманное влияние на социального субъекта, и предотвратить наносимый им вред (разрушить представляемую им угрозу).

Дискурсивно-оценочный метод Чигирёва-Юнацкевича – это процедура оценивания этичности (нравственности, моральности, духовности) поведения конкретных социальных субъектов, опирается на дискурсивные практики конкретной жизнедеятельности этих социальных субъектов. В ходе этих процедур возникают дискурсивно-оценочные регуляторы.

Дискурсивные этические регуляторы действуют исключительно гуманно. Они напоминают субъекту о норме его должного (этичного, нравственного, морального, духовного) поведения. Они предоставляют субъектам возможность пояснять, почему они делают так, а не иначе. А другим субъектам дают возможность оценивать социальные действия других субъектов.

Философскую основу дискурсивно-оценочного метода профессора Чигирева – Юнацкеича составляет экологический императив.

Императив (от лат.) — требование, приказ, закон. Это общезначимое нравственное (этическое, моральное, духовное) предписание, соблюдение которого обеспечивает человеку выживание.

Экологический императив (ЭИ) является безусловным и общепризнанным принципом поведения. Это запретная черта во взаимодействии человека с самим собой, другими и окружающей средой (природой). Переступить эту черту человек и само человечество не могут, так как сам экологический императив является естественной и признаваемой всеми нормой поведения.

Естественную и признаваемую всеми норму поведения задает **глобальный экологический принцип (ГЭП)** «не вреди». Норма – это то, что общество приписывает делать конкретному человеку, так и всем людям. Из глобального этического принципа (ГЭП) проистекает **глобальный нравственный принцип (ГНП)**, или глобальный этический принцип. Он означает, что человек должен вести себя так, чтобы не вредить.

ГЭП (**глобальный экологический принцип**) составляет основу универсальной и безусловной нормы поведения человека и общества – «не вреди».

ГНП (**глобальный нравственный или этический принцип**) составляет основу универсальной и всеми принимаемой ценности человека и общества – вести себя так, чтобы не вредить себе и другим.

ГЭП и ГНП составляют экологический императив, суть которого связана с правилом «Три С» - не вреди себе, соседям, среде обитания.

ЭИ → ГЭП, ГНП

Степень вреда оценивается в дискурсивной процедуре (дискурсивно-оценочный метод – ДОМ).

ДОМ (дискурсивно-оценочный метод) допускает оценки по широкому спектру шкал. Ценность ДОМ (дискурсивно-оценочного

метода) в том, что в его основании лежит экологический императив, одобряемый абсолютным большинством людей.

ДОМ → процедуры массового оценивания и дискурса (ЭИ → ГЭП, ГНП)

Дискурсивно-оценочный метод основан на процедурах массового оценивания и дискурса с позиции экологического императива, обозначающего норму и ценность поведения участников оценки и дискурса.

Экологический императив как экологическая норма и нравственная ценность распространяется на любую человеческую деятельность, в том числе и на деятельность медицинского сообщества, каждого врача. Имеет безусловным приоритетом непричинение вреда себе, другим и природе.

Экологический императив — предъявляемое человеком и обществом требование соблюдать норму поведения – не вредить себе, другим, среде обитания, вытекающее из очевидной необратимости вредных последствий и невозполнимости потерь для самого человека, других людей, окружающей природы.

Соблюдение данной нормы поведения обеспечивается практической реализацией дискурсивно-оценочного метода (ДОМ).

Особенности ДОМ:

опирается на экологический императив;

мировоззренчески нейтрален;

не претендует на истинность, но позволяет искать пути к истине;

балансирует солидарность и справедливость в человеке и обществе;

не летален;

гуманен, мягко удерживает от вредных и дурных поступков.

Мера вреда определяется дискурсивно-оценочной процедурой.

В итоге ДОМ:

позволяет корректировать конкретное поведение;

обеспечивает включенность в дискурс и оценивание всех заинтересованных лиц;

гарантирует коммуникативное равновесие в оценивании и обсуждении оценивания – голоса и аргументативные практики всех равны.

Аргументирование – это процесс убеждения себя и других в правомерности притязаний на признание. Каждый хочет убедить себя и других в тех или иных притязаниях. В ходе аргументирования возникают оппоненты (те, кто против) и проponentы (те, кто за). Способы аргументирования могут быть различными и противоречить экологическому императиву. Например, распространенным способом аргументирования является произвол, подкрепленный вооруженным и (или) технологическим насилием. Пропоненты получают право на жизнь, а оппоненты ее лишаются за несогласие.

ДОМ, в отличие от аргументирования, содержит экологический императив, уже снискавший всеобщее одобрение, и гарантирует запрет на использование негуманных методов аргументирования в дискурсе.

Скорость причинения вреда человеком себе и другим стала многократно превосходить возможности естественного восстановления. Особенно опасны стали социальные катастрофы, самой серьезной из которых является неравенство, которое служит главной причиной войн, криминала, коррупции, бедности, терроризма и экстремизма. Неравенство нарушает благоприятные для жизни людей социальные и экологические свойства окружающей среды.

Социальная сфера обладает способностью саморегулирования, восстановления баланса справедливости и солидарности. Регулирование неравенства происходит стихийно. Возникают социальные группы, которые становятся солидарны благодаря идее восстановления справедливости. Однако методы

установления справедливости могут быть летальны и негуманны (гражданская война, террор, экстремизм). Появление такого метода как ДОМ (дискурсивно-оценочный метод) создает новую форму саморегуляции социальной сферы, общества без летальных и негуманных технологий.

Нарушение равенства в реализации предпочтений людей сопровождается неблагоприятными следствиями (вражда между социальными группами, гражданская война, терроризм, экстремизм). Людям необходима буквально идеология-технология нравственности, которая удерживает каждого от причинения вреда самому себе и другим. Эти требования столь суровы, что их правомерно называть экологическим императивом.

Экологический императив — это совокупность нравственных (моральных, этических, социальных, духовных, профессиональных) запретов, соблюдение ограничений поведения, нарушение которых приводит к неравенству, ухудшению, разрушению благоприятных для жизни людей свойств социальной и окружающей среды, к разрушению социально-экономических и экологических условий существования человечества.

Огромным препятствием реализации экологического императива служит стремительный рост неравенства.

Реализация ограничений и запретов экологического императива встречает ряд существенных препятствий со стороны так называемых социальных паразитов, субъектов, живущих за счет привычки причинять вред другим. Очевидно, что минимизация уровня социального паразитизма осуществляется на основе использования дискурсивно-оценочного метода. В этом заключается спасение всего человечества, обеспечение соблюдения этических норм всеми представителями медицинского сообщества.

ДОМ (дискурсивно-оценочный метод) – это надежда человечества и этический регулятор поведения каждого врача! Экологический императив формально присутствует в декларациях

руководителей организаций разной формы собственности и в заявлениях частных лиц, но только ДОМ (дискурсивно-оценочный метод) как технология превращает эти декларация в жизнь.

ПРАКТИКУМ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ДИСКУРСИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООТВЕТСТВИЯ «ОПС»

Важно врачебному сообществу вернуть нравственный общественный идеал. Нам следует прилагать все усилия к тому, чтобы сменить морально устаревшую и агрессивную моду на человека-паразита (врача-паразита, пациента-паразита, руководителя-паразита).

Медицинскому сообществу нужен идеал врача созидającego, защищенного от социальных паразитов высокими гуманитарными и социальными технологиями.

Идеал нравственного, созидającego врача нужен для развития здравоохранения всего мирового сообщества.

США доминируют, развиваются благодаря сформированному идеалу свободного человека. Лозунг «Свобода и права человека» позволяют в любом регионе мира получать сторонников и влиять на поведение каждого, развивать социально-экономическую, финансовую сферу и систему здравоохранения.

Мы должны дать свой идеал русского врача (добрый, нравственный человек) всему миру. Тогда для здравоохранения России появятся реальные возможности влиять на общемировое развитие и укреплять здоровье каждого жителя планеты.

Нужно освободиться от идеала повышения заработной платы и добывания благ. Вся общественная активность направлена на улучшение благосостояния. Идет развитие паразитических потребностей.

Все реформы и замыслы по прорыву России во всех сферах скованы теневым идеалом: важно стать безнаказанным социальным паразитом, ценность представляют только деньги, вера в деньги стала доминирующей религией.

Идеал паразитического человека загнал самый верхний уровень власти в ситуацию, когда кто-то на среднем уровне решает свои проблемы - а наверху приходится за все отвечать.

Дискурсивно-оценочный метод, основанный на отражении обратных социальных связей во всех сферах жизнедеятельности человека, позволяет каждому участвовать в развитии здравоохранения и укрепления личного здоровья.

Например, такой технологией может быть новый сетевой инструмент оценки профессионального соответствия.

ОПС

<https://pro.getrate.org>

Профессионалы во всех сферах жизнедеятельности делают мир лучше.

Однако, мы заметили, что многим из них не хватает корректной обратной связи, которую могли бы дать те, кто так или иначе сталкивается с результатами деятельности этих самых профессионалов.

Технология ОПС предлагает пользователям по достоинству оценить качество работы сотрудников самых разных учреждений в самых разных сферах деятельности, в том числе в сфере здравоохранения.

Оценивая профессиональное соответствие кадров, вы помогаете Себе, Соседям, Стране!

Это уже участие в реализации политики здравоохранения. Вся суть государственной службы в сфере здравоохранения – это

защита прав и интересов граждан на получение доступной и качественной медицинской помощи, на получение доступа к технологиям укрепления собственного здоровья и профилактики. Оценка профессионального соответствия каждого руководителя среднего и нижнего уровней позволяет улучшить власть «шаговой доступности» в своем районе, городе.

Чтобы повышать качество здравоохранения, нужно ПРОСТО НАЧАТЬ ОЦЕНИВАТЬ!!!

Практикум оценки можно реализовать на сайте:
<https://pro.getrate.org>

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Чигирев В.А. Управление образованием взрослых: проблемы и задачи текущего момента. СПб., 2007. С. 1-12.
- ² Юнацкевич П.И. Медицинское просвещение взрослых. СПб.: 2007. С. 1-2.
- ³ Лихачёв Д.С. О Русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир. 1993, № 2; Моисеев Н.Н. Вехи – 2000. Заметки о русской интеллигенции кануна нового века // Дружба народов. 1999, № 3; Топоров В.Н. Не путайте интеллигента со специалистом // Известия. 1998, 20 мая.
- ⁴ Рывкина Р.В. Интеллигенция в постсоветской России – исчерпание социальной роли // Социологические исследования. № 6, 2006. С. 138-146; Магарил С.А. Исчерпана ли социальная роль интеллигенции? // Социологические исследования. № 1, 2007. С. 132-139.
- ⁵ Моисеев Н.Н. Вехи - 2000. Заметки о русской интеллигенции кануна нового века // Дружба народов. 1999, №3.
- ⁶ Кара-Мурза С.Г. Оппозиция: выбор есть. Тайны современной политики. М., 2006. С. 267-268.
- ⁷ Горюнков С.В. О соотношении мифологии и онтологии (в свете идей В.И.Вернадского) // Ноосфера и художественное творчество. М. 1991. С. 89.
- ⁸ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. (Феноменология. Герменевтика. Философия). М., 1993. С. 14-15.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Бурова И.Н. Развитие проблемы бесконечности в истории науки. М., 1987. С. 99.
- ¹¹ Л. фон Берталанфи. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования. М., 1969. С. 36-37.
- ¹² Горюнков С.В., Чигирев В.А., Юнацкевич П.И. Нравственное возрождение России и проблема смены мировоззренческой парадигмы. Издание второе, исправленное и дополнение. СПб, 2007. С. 12. Сайт <http://npravst.jino-net.ru>

- ¹³ Дарвин Ч. Происхождение видов. М. 1939. Т. III. С. 359, 629.
- ¹⁴ Любищев А.А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М. 1982. С. 195.
- ¹⁵ Антипенко Л.Г. Проблема неполноты теории и её гносеологическое значение. М. 1986. С. 178-179.
- ¹⁶ Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира, в 2-х томах. М. 1980. Т. I. С. 12.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М. 1998.
- ¹⁹ Гаазе-Раппопорт М.Г., Поспелов Д.А., Семёнова Е.Т. Порождение структур волшебных сказок. М. АН СССР, научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика», 1980.
- ²⁰ Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М. 1998.
- ²¹ Пропп В.Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Пропп В.Я. Фольклор и действительность М. 1976. С. 138.
- ²² Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. М. 1987. С. 314.
- ²³ там же. С. 313-314.
- ²⁴ Вернадский В.И. Биосфера. М. 1967. С. 237.
- ²⁵ Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Пространство и время в неживой и живой природе. М. 1975. С. 71.
- ²⁶ Вернадский В.И. Биосфера. М. 1967. С. 238.
- ²⁷ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 431-432.
- ²⁸ Горюнков С.В., Чигирев В.А., Юнацкевич. Нравственное возрождение России и проблема смены мировоззренческой парадигмы. С. 16.
- ²⁹ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 111-112.
- ³⁰ Панарин А. Народ без элиты. М. 2006. С. 41.
- ³¹ Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М. 1977. С. 68.
- ³² Там же. С. 13-14.

- ³³ Л. фон Берталанфи. *История и статус общей теории систем // Системные исследования. М., 1973. С. 36.*
- ³⁴ Кассирер Э. *Философия символических форм, в 3-х томах. М.; СПб., 2002, т. I. С. 12-13.*
- ³⁵ Там же. С. 12.
- ³⁶ Там же. С. 21-25, 41-47.
- ³⁷ *Современная западная философия. Словарь. М., 1991. С. 74-76.*
- ³⁸ Гадамер Х.-Г. *Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 326-328.*
- ³⁹ *Современная западная философия. Словарь. М., 1991. С. 74-76.*
- ⁴⁰ Ленин В.И. *материализм и эмпириокритицизм. М., 1969. С. 228-234.*
- ⁴¹ Гайденок П.П. *Хайдеггер и современная философская герменевтика // Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М. 1978. С. 81.*
- ⁴² Чигирев В.А., Горюнков С.В., Сергеев Е. *Нравственность и проблема смены мировоззренческой парадигмы //»Вопросы культурологи», научно-практический и методический журнал. 2007. №9. С. 72-74.*

*Чудаков Александр Юрьевич
доктор медицинских наук, профессор*

*Гайворонская Виктория Витальевна, кандидат медицинских наук
Доцент-исследователь Института интегративной медицины
<http://iim.ast.social>*